

Министерство образования и науки Российской Федерации
Министерство промышленности, инноваций и науки Пермского края

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Пермский государственный технический университет»

**ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА
В СОВРЕМЕННОМ МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ**

Материалы международного
научно-методического коллоквиума
(Пермь, 7–9 февраля 2011 г.)

Издательство
Пермского государственного технического университета

2011

Представлены материалы международного коллоквиума по проблемам билингвизма и его формирования, теории и практики дискурса, общим вопросам лингвистики, методологии перевода и межкультурной коммуникации, лингводидактическим аспектам обучения иностранным языкам и профессиональной подготовки переводчиков

Редакционная коллегия:

Т.С. Серова – д-р пед. наук, проф., отв. редактор

Н.М. Нестерова – д-р филол. наук, проф.

Л.В. Кушнина – д-р филол. наук, проф.

И.Г. Овчинникова – д-р филол. наук, проф.

К.Э. Безукладников – д-р. пед. наук, проф.

А.С. Киндеркнехт – канд. филол. наук, доц.

А.Ю. Наугольных – канд. пед. наук, доц. (ответственный за выпуск)

7. Тарнаева Л.П. Концепции языковой личности в контексте проблем переводоведения // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2008. – № 2(13). – С. 55–68.

8. Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика: на материале дискурса Б.В. Заходера: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005.

9. Хайдарова И.Н. Исследование категории переводческого времени в сопоставительном аспекте (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2008. – 26 с.

10. Richard-Favre H. Nouvelles de personne. Bilingue français-russe – Элен Ришар-Фавр. Истории ни о ком. Билингва французско-русский / пер. с франц. Е.В. Вельмезовой. – М.: Едиториал УРСС, 2010.

Н.И. Пушина

Удмуртский государственный университет

pushina@pils.uni.udm.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СИТУАЦИИ БИЛИНГВИЗМА

Языковая панорама современного мира – не просто мозаика, состоящая из нескольких тысяч языков. География языков, география народов мира и политическая карта мира тесно взаимосвязаны [1, с. 115]. Социально-политическая неоднородность мира преломляется в социальном статусе языков и их востребованности: языки различны по количеству говорящих на них людей, по своим общественным функциям, по сферам использования, по авторитету в своей стране и за ее пределами. Языки полистатусны, обладают сразу несколькими разными статусами – международным, государственным, национальным, статусом межнационального средства общения, поскольку этническая и языковая карты мира не совпадают, и, как следствие, симметрия «один народ – один свой и отдельный язык» не является правилом [2, с. 47–48; 1, с. 24].

По мере развития общества возрастает социальная и культурная значимость всех языков: и языков широкого международного общения, и языков, на которых говорит несколько тысяч человек. Двуязычие (и многоязычие) все шире распространяется в современном мире. При этом совместное функционирование разных языков в одном социуме характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, возрастает объем коммуникации на каждом языке, расширяются их социальные функции. С другой стороны, идет процесс, аналогичный стилистической дифференциации языка в одноязычной ситуации: языки дифференцируются в функциональном отношении. Такая координированность языков, отношения взаимной функциональной дополнительности в рамках социума способст-

вуют превращению двуязычия в единую функциональную систему, что обуславливает целесообразность и поэтому устойчивость двуязычных ситуаций.

В узусе термин билингвизм чаще применяется для обозначения приблизительно равного уровня владения двумя языками. Это отражается в различении таких понятий, как «второй язык» (second language) и «иностранный язык» (foreign language). Если это язык, употребляемый в той общности, в которой развивается индивид, то обычно говорят о втором языке. Это язык национально-языкового меньшинства, государственный или официальный язык (для тех, для кого он не является родным), язык межэтнического общения. Если же носителей данного языка в языковой среде нет или практически нет, то это – иностранный язык [3, с. 219]. Владение английским языком как вторым и владение им как иностранным языком – не одно и то же. Важно иметь в виду, что здесь различаются не только разные уровни языковой компетенции, но и функциональная нагрузка на разные языки в речевой практике индивида.

Билингвизм встречается среди иммигрантов первого и второго поколения, у этноязыковых групп в многонациональном обществе, у малочисленных этносов в иноязычном окружении [4, с. 31–32; 5, с. 56–57].

Обычно двуязычие продуктивно, т.е. билингв способен активно использовать второй язык. Особый случай двуязычия – пассивный (рецептивный) билингвизм, такое владение вторым языком, когда индивид его понимает, но сам текстов на нем практически не порождает. Для «двустороннего» пассивного билингвизма, когда каждый из коммуникантов пользуется своим языком, но понимает язык другого, иногда используется термин **дуалингвизм** (dual-lingualism). Данное явление наблюдается, к примеру, на границах распространения различных (как правило, родственных) языков [5, с. 58].

В норме билингвы владеют хотя бы одним языком в полном объеме. Однако возможны случаи, когда общение индивида с носителями его родного языка ограничено, а уровень коммуникативного взаимодействия с носителями языка, доминирующего в языковом сообществе, невысок. В подобной ситуации адекватное знание родного языка утрачивается, а второй язык осваивается в ограниченных пределах. Это явление получило название **полуязычия** (semilingualism). Лексический состав обоих языков оказывается ограниченным, а грамматическая структура упрощена. Особые нормы полуязычия образуются в условиях, когда контактирующие языки близкородственны [5, с. 58].

Поскольку полной симметрии в социально-этнических условиях существования двух (и более языков) в одном обществе практически не бывает, многоязычные ситуации редко бывают сбалансированными и устойчивыми. Как отмечает Н.Б. Мечковская, сбалансированная двуязычная ситуация была бы возможна в том случае, если бы большинство членов

некоторого социума владели бы полностью обоими языками (и, видимо, более чем двумя языками), использовали бы их в любых речевых ситуациях, с легкостью переключались с одного языка на другой, не смешивая при этом системы разных языков. Однако полное и автономное (без смешения языков) владение двумя языками превышает психофизиологические возможности обычного человека. Говоря о возможности сбалансированного двуязычия, следует учитывать также и функциональный (социолингвистический) аспект проблемы. В той психологической программе, которая определяет речевое поведение двуязычного индивида, два языка не могут быть функционально тождественны. Следовательно, при массовом и относительно полном двуязычии использование двух разных языков в тождественных ситуациях и функциях оказывается избыточным. Возникает более обычная несбалансированная языковая ситуация [4, с. 103–105].

Указанное положение дел имеет самое непосредственное отношение к многонациональным и многоязычным республикам Российской Федерации. Одной из таких республик является Удмуртская республика с двумя государственными языками, языками равного статуса – русским языком и языком титульной нации (удмуртов) – удмуртским (языком уральской группы языков). В Удмуртии языковая ситуация выражается прежде всего в билингвизме – двуязычии и полилингвизме – многоязычии. Билингвизм представлен преимущественно соотношением русского и удмуртского, русского и татарского языков. Полилингвизм может проявляться в соотношении русского, удмуртского и татарского языков (хотя и редко), что обусловлено тесным сплетением трех этнических ветвей – финно-угорской, славянской, тюркской. Возможны и другие варианты билингвизма и полилингвизма, поскольку республика многонациональна. Определенное влияние на конфигурацию современной языковой ситуации в Удмуртии оказывают активные миграционные процессы, а также возросший интерес и потребности в знании иностранных языков – английского, немецкого, французского, а также эстонского, финского, венгерского языков.

При наметившихся тенденциях к более сбалансированной языковой ситуации – более массовому билингвизму, прежде всего русско-удмуртскому и русско-татарскому, о чем свидетельствует положительная динамика роста количества учащихся, изучающих удмуртский и татарский языки в школах Удмуртии; принятие Закона Удмуртской республики о государственных языках Удмуртской республики и иных языках народов Удмуртской республики, активная деятельность Дома дружбы народов, всячески способствующего развитию национального самоопределения, самоидентификации, проявлению интереса к языкам народов, проживающих на территории Удмуртской республики и т.д., положение дел тем не менее весьма далеко от того, чтобы двуязычие и тем более многоязычие можно было бы охарактеризовать как полное или сплошное (за исключением, по-

жалуй, в некоторой степени отдельных территорий компактного проживания представителей титульной нации республики – удмуртов, а также татар). Существуют и объективные причины, сдерживающие развитие языковой ситуации, которые, в частности, заключены в речевом поведении двуязычного индивида, в отсутствии функционального тождества языков, что приводит к смещению их психологического равновесия в сознании билингвов. В связи с этим билингвизм в республике не является тем значительным, определяющим фактором, обуславливающим характер межкультурных связей и межкультурной коммуникации. В условиях языковой ситуации Удмуртии именно русский язык выступает в качестве языка-посредника в процессе обмена культурными ценностями, проникновения в культуру не только удмуртского, но и других финно-угорских народов. Знакомство с культурными ценностями происходит на основе русского языка, как языка межнационального общения, языка государственного. Что касается удмуртского языка, то, несмотря на его официальный статус, он, к сожалению, ограничен в своей востребованности, сложным является и процесс его усвоения (так как это язык иной типологии, отличной от типологии русского языка). Молодые люди, не овладевшие родным (удмуртским) языком в детстве, не стремятся к его изучению впоследствии, предпочитая иностранные языки (чаще всего английский, финский и даже китайский), как более востребованные в сравнении с родным и которые могут дать дополнительные возможности профессионального и карьерного роста. Вместе с тем язык – это культурный код нации. Так, В. фон Гумбольдт утверждал: «Границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения» [цит. по: 6, с. 3]. Существует мнение, что человек только тогда становится человеком, когда он с детства усваивает язык и вместе с ним культуру своего народа [6, с. 3].

Однако в процессе длительного взаимодействия столь разных этносов (русского, удмуртского и других) и столь разных языков, связанных общностью территории, начинает формироваться некая модель (пусть еще весьма хрупкая и несовершенная и еще не воспринимаемая всем обществом, но уже приносящая свои плоды) взаимопроникновения культур, базирующаяся на взаимном интересе к культурным истокам, к традициям, обычаям, достижениям, проникновения в специфику существующих систем ценностей, задающих образцы социального поведения и восприятия мира, культурных традиций народа-этноса. Через русский язык познается история удмуртского, русского, татарского и других народов Удмуртской республики. Через русский язык в удмуртский язык заимствуются иноязычные культурные реалии, новые понятия, фиксирующиеся и воплощающиеся в языке, наполняющие и обогащающие язык, расширяющие его лексический запас, обеспечивая трансляцию культуры и успешность межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Пушина Н.И. Полистатусность языков и их взаимодействие // Язык, культура, общество: тезисы докл. V Междунар. науч. конф. (Москва, 24–27 сентября 2009 г.). – М., 2009. – С. 47–48.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: Смысл; СПб.: Лань, 2003.
4. Словарь социолингвистических терминов. – М.: Изд-во Ин-та языкознания РАН; Институт иностранных языков, 2006.
5. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. – М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2001.
6. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2004.

З.И. Гурьева, О.П. Демьянова, Е.В. Петрушова
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)
ziguryeva@mail.ru

СОПОСТАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ БИЗНЕС-ТЕКСТОВ, СОЗДАННЫХ НОСИТЕЛЯМИ РАЗЛИЧНЫХ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И БИЛИНГВАМИ

Как показали исследования [1; 2; 3; 4 и др.], бизнес-текст является не только носителем специфических лингвистических характеристик, отличающих его от текстов других сфер жизнедеятельности человека, но и содержит ряд уникальных национально-культурных черт, делающих его ценным лингвистическим выразителем национально-культурных и коммуникативных традиций другого народа.

Как известно, по сравнению с британской американская культура делового общения относительно молода. Ее развитие начинается лишь со второй половины XVIII века, поскольку именно в этот период история США характеризуется стремлением отмежеваться от метрополии, не только стать независимой державой, но и обрести самостоятельность в науке, культуре, языке.

Тем не менее диахроническое исследование американской деловой письменности подтверждает приверженность американцев проверенному практикой традиционному англо-саксонскому принципу вежливости, отражающему общую тенденцию американского общества к уважению индивидуальности и права личного выбора, однако показывает некоторое снижение дистанцированности и категоричности в речевом взаимодей-